

О критерии адекватности художественного вымысла в изображении Отечественной войны 1812 г. (к вопросу о полемике А.С. Норова с Л.Н. Толстым)

Дергачева И.В.,

*доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультета «Иностранные языки» ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
DergachevaIV@mgppu.ru*

Дергачев В.В.,

заместитель редактора отдела политика/общество при Медиахолдинг «РосБизнесКонсалтинг, Москва, Россия, vdergachoff@gmail.com

В статье рассматривается полемический дискурс А.С. Норова, героя войны 1812 года, который он ведет с Л.Н. Толстым с точки зрения непосредственного участника сражений с Наполеоном. Анализируя описание событий Отечественной войны 1812 года в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», А.С. Норов противопоставляет их описанию, выполненному героем войны 1812 г. Ермоловым. Авторы статьи высказывают предположение, что полемика А.С. Норова с точкой зрения Л.Н. Толстого на движущие силы в войне 1812 года не была бы столь острой, если ее рассматривать в категориях литературоведения, как полемический дискурс произведения с художественным вымыслом (роман Л.Н. Толстого) с произведением документальным, где вымысел исключается (произведения А.С. Норова).

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., А.С. Норов, Л.Н. Толстой, художественный вымысел, полемика, философия истории, военные баталии.

Для цитаты:

Дергачева И.В., Дергачев В.В. О критерии адекватности художественного вымысла в изображении Отечественной войны 1812 г. (к вопросу о полемике А.С. Норова с Л.Н. Толстым) [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №2. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Dergacheva_Dergachev.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2017040204

For citation:

*Dergacheva I.V., Dergachev V.V. On the criterion of the adequacy of artistic fiction in depicting the Patriotic War of 1812 (to the question of the controversy of AS Norov with Leo Tolstoy) [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n2/Dergacheva_Dergachev.shtml (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2017040204*

Известно, что «вымысел художественный – средство создания художественных образов: присущая только искусству форма воссоздания и отображения жизни в сюжетах и образах, не имеющих прямой соотнесенности с реальностью. Мера вымысла художественного в произведении может быть различна: существует "установка" на вымысел, но существуют и документальные произведения, где вымысел исключается» [1].

Очевидно, что вымышленный объект не может обладать никакими другими свойствами, помимо тех, с которыми он был создан. Следовательно, вымышленные объекты остаются полностью нереальными, они занимают свою собственную, совершенно отдельную

от действительного мира область. Между миром художественного вымысла и реальными миром порою лежит пропасть.

Согласно философии истории Льва Толстого, выраженной, в частности, в романе «Война и мир», основную роль в развитии исторического процесса играют народные массы. Поэтому постижение исторических законов возможно лишь в процессе изучения жизни народа, чья роль в романе показана при описании войны с Наполеоном в 1812 г. Еще в незаконченном романе «Декабристы», из которого впоследствии выросла «Война и мир», Толстой вложил в уста главного героя Петра Лабазова, дворянина, такие слова: «Я того мнения, что сила России не в нас, а в народе». В «Войне и мире» эта мысль получила развернутое выражение. У Толстого Наполеона победил простой народ. В войне 1812 г. решался вопрос о судьбе отечества, и народ это понимал. По словам Толстого, «Цель народа была одна: очистить свою землю от нашествия. Цель эта достигалась, во-первых, сама собою, так как французы бежали, и потому следовало только не останавливать это движение. Во-вторых, цель эта достигалась действиями народной войны, уничтожавшей французов, и, в-третьих, тем, что большая русская армия шла следом за французами, готовая употребить силу в случае остановки движения французов» [3]. Один рядовой солдат в романе выражает настроение русской армии накануне Бородина: «Всем народом навалиться хотят, одно слово Москва. Один конец сделать хотят» [3]. Единение с народом в эти мгновения ощущают и главнокомандующий Кутузов, и находящиеся на Бородинском поле главные герои романа Андрей Болконский и Пьер Безухов. «Несмотря на жалобы французов о неисполнении правил, несмотря на то, что высшим по положению русским людям казалось почему-то стыдным драться дубиной... дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественною силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупою простотою, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло всё нашествие» [3].

Толстой выделяет роль Кутузова как вождя народной войны с Наполеоном: «Действия его — все без малейшего отступления, все направлены к одной и той же цели, состоящей в трех делах: 1) напрячь все силы для столкновения с французами, 2) победить их и 3) изгнать из России, облекая, насколько возможно, бедствия народа и войска....

Но каким образом тогда этот старый человек, один в противность мнению всех, мог угадать так верно значение народного смысла события, что ни разу во всю свою деятельность не изменил ему? Источник этой необычайной силы прозрения в смысл совершающихся явлений лежал в том народном чувстве, которое он носил в себе во всей чистоте и силе его.

Только признание в нем этого чувства заставило народ такими странными путями его, в немилости находящегося старика, выбрать, против воли царя, в представители народной войны. И только это чувство поставило его на ту высшую человеческую высоту, с которой он, главнокомандующий, направлял все свои силы не на то, чтоб убивать и истреблять людей, а на то, чтобы спасти и жалеть их» [3].

А.С. Норов одним из первых опубликовал критическое исследование романа Л.Н. Толстого с исторической точки зрения, точнее, с точки зрения непосредственного участника сражений с Наполеоном. В Отделе рукописей РГБ в Ф. 201 под № 75 хранится писарский список 1868 г. с правкой А.С. Норова и подписью-автографом на 95 страницах (48 п.л.): «"Война и мир" (1805–1812 г.) с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника (По поводу сочинения гр. Л.Н. Толстого "Война и мир") Авраам Норов. Павловск. 1868 г. сентября 8-го». В том же году это произведение было опубликовано в Санкт-Петербурге [2].

А.С. Норов сразу в начале своей статьи отмечает, что не только он был разочарован описанием военных баталлий, предпринятым Л.Н. Толстым в романе «Война и мир»: «Читатели,

которых большая часть, как и сам автор, еще не родились в описываемое время, но ознакомленные с ним с малолетства, по читанным и слышанным ими рассказам, поражены при первых частях романа сначала грустным впечатлением у представленного им в столице пустаго и почти безнравственного высшего круга общества, но вместе с тем имеющего влияние на правительство, а потом отсутствием всякого в военных действиях и едва не отсутствием военных доблестей, которыми всегда так справедливо гордилась наша армия» [2, с.1]. Получивший известность в обществе роман Л.Н. Толстого вызвал много вопросов и горьких недоумений у современников: «Читая эти грустные страницы, под обаянием прекрасного, картинного слога, вы надеетесь, что ожидаемая вами блестящая эпоха 1812 года изгладит эти грустные впечатления, но как велико разочарование, когда вы увидите, что громкий славою 1812 год, как в военном, так и в гражданском быту, представлен вам мыльным пузырем, что целая фаланга наших генералов, которых боевая слава прикована к нашим военным летописям, и которых имена переходят доселе из уст в уста нового военного поколения, составлена была из бездарных, слепых орудий случая, действовавших иногда удачно, и об этих даже их удачах говорится только мельком, и часто с ирониею. Неужели таково было наше общество, неужели такова была наша армия, спрашивали меня многие?» [2, с.1-2]. Если бы книга была писана иностранцем, замечает далее А.С. Норов, ее многие приняли бы за произведение, написанное по воспоминаниям частных лиц, субъективным и не всегда верным. Но, раз книга писана русским писателем, причем не названа им романом, хотя и воспринимается таковым читателем, то у людей по ее прочтении возникает разная реакция – некоторые стараются сравнить описание с документальными источниками и даже «поговорить с небольшим числом оставшихся очевидцев великих отечественных событий», другие, не имеющие на это времени, «не так могут взглянуть на нее». А.С. Норов, будучи сам участником великих событий, «не мог без оскорбленного патриотического чувства дочитать этот роман, имеющим претензию быть историческим, и, не смотря на преклонность лет моих счел как бы своим долгом написать несколько строк в память моих бывших начальников и боевых сослуживцев» [2, с. 2].

«Не отступая от строгой исторической истины, всякий безпристрастный писатель отнесет всю неудачу кампании 1805 года к австрийцам. Еслиб Мак с 70,000 армией не положил оружия, еслиб Мерфельдт и Ностиц не сделали почти того-же самага, то даже без соединения с войсками эрцгерцогов успех кампании мог быть довольно верен под начальством такого вождя, каким был Кутузов. Герой романа графа Толстаго, князь Болконской, присутствует почти во все время славной ретирады Кутузова от Браунау, и автор имел случай выказать подвиги нашей армии» – пишет А.С. Норов. Однако, продолжает он далее, «во всем романе графа Толстаго князь Болконской гораздо умнее и Кутузова, и Багратиона, и всех наших генералов. Найдете ли вы там славную битву Багратиона и Милорадовича под Амштетеном, где эти два Суворовские генерала воодушевляли другъ друга памятью Требии и Нови, и где Милорадович прозвал своих апшеронцев: „се sont des crânes” ,) (щеголяя французским языком, который он плохо знал)? Битва под Амштетеном останется в военной истории как одна из самых яростных, где русский штык истинно ознаменовал себя. Посмотрите же как граф Толстой отозвался о том: „Были дела при Ламбахе, Амштетене и Мельке; но несмотря на храбрость и стойкость, признаваемая самим неприятелем, с которыми дрались русские, последствием этих дел было только еще быстреее отступление” — только что не сказано бегство! Но какое же это было отступление? Никакия силы французов не могли не только сломить, но даже и разстроить наш арриергард. Это отступление, по глубоко-обдуманному плану, спасало всю армию и было доведено до конца с полным успехомъ чрез соединение с

армией, шедшею из России до катастрофы аустерлицкой, где уже не Кутузов, а гофскригсрат и гадкие проектеры, как говаривал Суворов, сделались главнокомандующими» [2, с. 5-6].

О битве при Шенграбене А.С. Норов пишет, что «этой битвой князь Багратион воздвиг себе монумент, который обережет навсегда военная история. В пылу боя, при неизменном хладнокровии, он своею распорядительностью умел всегда удержать своим присутствием стройное отступление, приготавливая заблаговременно прикрытие отступающим, и дать им время устроиться от понесенных потерь». И далее возмущается: «Разверните теперь романический рассказ графа Толстаго: он живописен, и так сказать пахнет порохом; но не прискорбно ли видеть, что такой отличный талант автора принял ложное направление? Узнаёте-ли вы в этомъ рассказе славную личность Багратиона, как полководца? вы тут видите в нем ничем не развлекаемого храбреца, объезжающего ряды войск под градом пуль, кивающего головой и говорящего: „хорошо“ на все делаемая ему донесения, хотя бы это было и нехорошо... И князь Болконский „к удивлению замечал, прислушиваясь к разговорам князя Багратиона с начальниками, что приказаний никаких отдаваемо не было, а что князь Багратион только старался делать вид, что все, что делалось по необходимости, случайности и воле частных начальников, что все это делалось хоть не по его приказанию, но согласно с его намерениями“. Весь успех дня, по его мнению, выраженному им самому полководцу, принадлежал батарею капитана Тушина (которой действие, между прочим, мастерски описано), и князь Болконский принужден был обратить внимание князя Багратиона на этого храброго батарейного командира, который даже не замечен князем Багратионом, не удостоившим его никакимъ спасибо. Перед началом сражения, князь Болконский с батареей Тушина начертывал искусный план предстоящего сражения, и этим как-бы намекается, что таким-то образом следовало бы действовать, если б он был тут главнокомандующим, а не князь Багратион... И это очевидно, потому что, впоследствии, ход сражения был несогласен с стратегическими соображениями Болконскаго, тем более, что князь Багратион, во время сражения, давал важнейшия поручения преимущественно своему личному адъютанту Жаркову, который оказывается трусом и не доезжает ни до одного из угрожаемых пунктов, не передавая таким образом приказания Багратиона» [2, с.10-11].

А.С. Норов в сердцах восклицает: «Сколько вдохновительных строк могли бы излиться из под искуснаго пера графа Толстаго, еслиб он описал присоединение оставшихся из четырех тысяч двух тысяч героев Багратиона...». Но, с горечью констатирует он далее « Вот так выразился об этом граф Толстой: „На другой день французы не возобновляли нападения, и остаток Багратионова отряда присоединился к армии Кутузова“. Стараясь сохранять спокойствие при описании столь близких его сердцу событий, А.С. Норов не может удержаться от использования негативно маркированной лексики «Можно ли не возмутиться... Настает Аустерлиц... но я не хочу тут следовать за графом Толстым. Мое перо не будет растравлять раны русского сердца...Нельзя не выписать цинических слов романиста...»[2, с.11-12].

Возвращаясь к событиям 1812 года, А.С. Норов противопоставляет их описание, выполненное героем войны 1812 г. Ермоловым, описанию Толстого: «Вот и 1812 год. Ермолов начинает свои записки так: „Настал 1812 год, памятный каждому русскому, тяжкий потерями, знаменитый блистательною славою в роды родов!“ Посмотрим, какие эпизоды этой чудной народной эпопеи представил нам граф Толстой, и как он их представил» [2, с.12]. Увы, и в описаниях военных событий 1812 года Толстой неточен и предвзят: « Можно было безответственно называть и заставлять говорить по-своему князя Андрея Болконскаго, Безухова или Ростова, но без положительных фактов ставить на сцену, как мы видели в первых томах, Кутузова, Багратиона, а теперь великаго князя Константина Павловича, Румянцова и других, как мы увидим далее, едва ли позволительно какому бы то ни было талантливому

автору» [2, с.13]. «Разговор Наполеона с Балашевым смешон... Кто знал канцлера Румянцова, тот также не вложит в его уста, или в его мысли, то, что высказал граф Толстой» [2, с.15], – таковы характеристики труда Толстого.

Участник военных действий и блистательный ученый, А.С. Норов убедительно, с учетом всех подробностей, опровергает точность описания и самих военных батальи и исторических событий. Так, например, атаку павлоградцев следует перенести их сражения при Островне к сражению Торماسова при Городечне. Или «А как же это, по словам романиста, „Французы наткнулись на дивизию Неверовскаго“, тогда как князь Багратион, соединясь в Смоленске с Барклаем, немедленно отрядил дивизию Неверовскаго для наблюдения пути из Орши в Смоленск?.. Французы не могли не наткнуться на Неверовскаго. И кто-же на него наткнулся? Мюрат с кавалерийскими корпусами Груши, Нансути и Монбрёна, и наступающая вслед за ними пехотная колонна корпуса маршала Нея» [2, с.18-19].

Но более, нежели ошибки при описании военных событий, возмущают А.С. Норова превратные описания самих героев войны 1812 г.: «Мы не ставили бы на вид автору романа главные военные эпизоды нашей славной войны 1812 года, если бы он не выходил из рамки романа, не вставлял в нее военные эпизоды, облакая их стратегическими рассуждениями, рисуя боевые диспозиции, и даже планы батальи, давая всему этому характер исторический, и темъ вводя невольню в заблуждение, конечно не военных, но общество гражданское, гораздо более многочисленное и которому, не менее какъ и военным, дорога слава нашей армии» [2, с.22-23]. Особенно он критикует негативное отношение графа Толстого к Барклаю и Багратиону: «Можно ли читать без глубокого чувства оскорбления не только нам, знавшим Багратиона, да и тем, которые знают его геройский характер по истории, то, что позволил себе написать о немъ граф Толстой? Всем известно, что Багратион был противных мнений с Барклаем, что он и письменно, и словесно укорял его в ретиреде, что он считал его немцем; но сам-то Багратион считал себя вполне русским, и мог ли этот доблестный воин решиться из нелюбви своей к Барклаю заслужить себе название изменника, избегая с умыслом, как то говорит граф Толстой, присоединиться с своей армией к Барклаю!.. Мог ли думать Багратион, что за все, принесенные им жертвы отечеству своею кровью, геройский прах его будет потревожен таким неслыханным нареканием? Будемъ надеяться, что только в одном романе графа Толстаго можем мы встретиться с подобными оценками мужей нашей отечественной славы и что наши молодые воины, руководясь светочем военных летописей, к которым мы их обращаем, будут с благоговением произносить такие имена, как Багратион... Багратион, только под Бородином, смертельно раненый, будучи свидетелем геройских подвигов Барклая во время битвы, в то время, как доктор Виллие перевязывал ему рану, увидев раненаго Барклаева адъютанта Левенштерна, подозвал его к себе и поручил ему уверить Барклая в своем искреннем уважении» [2, с.17-18].

С сарказмом, совершенно для него нехарактерным, А.С. Норов уличает Толстого в его нежелании описывать «славные для русского оружия» сражения: «Конечно, романист не историк, и может приводить только те обстоятельства, которые касаются его героев; вероятно оттого он ни слова не сказал о славных для русского оружия битвах графа Витгенштейна, о его победе под Клястицами, о победах под Кобрином и Городечною Торماسова, и даже о поражении генерала Себастиани казацкими полками атамана Платова при Молевом Болоте у Инкова» [2, с. 19].

Особенно удручает и возмущает А.С. Норова описание Л.Н. Толстым дворянского сословия: «Но какое сословие пощажено в романе графа Толстаго? Мы видели, как он обрисовывал наших полководцев и нашу армию; посмотрите теперь, что такое у него наши дворяне, купечество и наши крестьяне. Прочтите, как он описывает дворянское и купеческое

собрание в Москве при встрече Государя, прибывшего из Смоленска с воззванием к Своему народу. Эти сословия в романе графа Толстаго суть не иное что, как Панургово стадо, где, по мановению Ростопчина, плешивые вельможи-старики и беззубые сенаторы, проводившие жизнь с шутами и за бостоном, поддакивали и подписывали все, что им укажут. Не одно симбирское дворянство, а дворянство всей России исполнило не на словах, а на деле то, что было им определено: „Внимая гласу Монаршаго воззвания по случаю нашествия на отечество наше неприятелей, дворянство единогласно изъявило желание, оставя жен и детей своих, препоясаться всем до единого и идти защищать веру, Царя и дома, не щадя живота своего”» [2, с. 23]. А.С. Норов, герой войны 1812 года, написавший эту посвященную ей работу уже будучи в преклонном возрасте, апеллирует к памяти детей уже ушедших из жизни участников сражений: «Еще остались дети тех плешивых стариков-вельмож и беззубых сенаторов, которые также теперь беззубые и плешивые, но которые помнят, как их отцы и матери посылали их еще юношами одного на смену другому, когда первый возвращался на костылях, или совсем не возвращался, положив свои кости на поле битвы, и как их отцы, хотя плешивые, но помнившие Румянцова и Суворова, сами становились в главе ополчений. Их имена остались еще и останутся в наших летописях в укор их насмешникам...» [2, с. 23]. Эти люди являются еще живыми свидетелями героических событий и не позволят чернить их память пусть и художественным, но не соответствующим действительности вымыслом.

Норов сожалеет, что у графа Толстаго не нашлось красок описать подвиг смолян, на которых свалились все тяготы войны – пожар и разрушение Смоленска, героические битвы русских войск под его стенами, геройский подвиг Энгельгардта и Шубина, расстрелянных французами за отказ принять у них административную должность и сделать воззвание к крестьянам о повиновении французам. Высокий подвиг смоленских дворян оказался не замеченный графом Толстым, в то время как он не забыт смолянами, поставившими Энгельгардту и Шубину памятник на том месте, где они были расстреляны.

Любопытен подмеченный во время вынужденного отступления от Москвы А.С. Норовым факт, что солдаты, читая на верстах, насколько они удаляются от Москвы, начинали страшно ругаться, в связи с чем версты пришлось заранее свозить с дороги. Само отступление русской армии он сравнивает с вынужденным неодолимою силою отступлением льва, выискивающего момент вновь кинуться на врага. Даже ропот отступающих русских воинов утих, поскольку они чувствовали, что «настанут торжественные дни кровавой развязки и отмщения». И лишь граф Толстой не мог понять, для чего необходимо было Бородинское сражение, считая его бессмысленным как для русских, так и для французов.

А.С. Норов возмущен рассказом Толстаго о том, как Кутузов, принимая в Цареве-Займище армию, был занят более чтением романа г-жи Жанлис, нежели докладом дежурного генерала. «Конечно, тот, кто сообщил графу Толстаго этот пикантный анекдот, буде он достоверен, либо не знал, либо не понимал Кутузова. И есть ли какое вероятие, что-бы Кутузов, ехавший прямо из Петербурга, напутствуемый своим монархом, всем населением столицы, а в продолжение пути всем народом, когда уже неприятель проник в сердце России, а он, с прибытием в Царево-Займище, видя перед собою все армии Наполеона и находясь накануне решительной, ужасной битвы, имел бы время не только читать, но и думать о романе г-жи Жанлис, с которым он попал в роман графа Толстаго?!» [2, с. 25].

Не принимает Норов и описание Толстым героя войны 1812 года гусара Дениса Давыдова в образе старого, усатого, пьяного буяна. Денис Давыдов, заверяет Толстаго Норов, которого он хорошо знал, хотя и был усат, находился в цвете лет и не был ни старым, ни пьяным, и что он всегда принадлежал к высшему обществу.

Далее, при описании Бородинского поля, рассказ Норова становится все более персонифицированным: «И подлинно: для скольких тысяч из нас это место сделалось вечною стоянкою». Само сражение он описывает в качестве активного участника: «Я был тогда прапорщиком гвардейской артиллерии во второй легкой роте.... Разговоры наши заметно были серьезны; всякий чувствовал, что он стоит на рубеже вечности». А.С. Норов подробно описывает все детали Бородинского сражения, нередко полемизируя с графом Толстым. Так, его возмущает, что Толстой выставил героем Бородина графа Безухова, схватившегося за шиворот с французом, умаляя подвиг Ермолова, выразившись о нем как о лице, приписавшем себе атаку в Бородинской битве, в то время как вся армия была свидетелем подвигу Ермолова, пошедшего вместе с людьми Перновского и Уфимским батальоном на штыки. При этом Норов старается быть объективным к роману Толстого и пишет, что «он в главах 33-35 прекрасно и верно изобразил общие фазисы бородинской битвы». Сам он подробно описывает все фазы Бородинского сражения вплоть до своего ранения.

Еще один из примеров субъективного подхода к описанию военачальников приведено в следующем отрывке из труда Норова: «Отсюда Кутузов, хотя он и жевал жареную курицу, послал своего адъютанта Граббе объехать ряды войск и сказать им, чтобы они готовились сражаться на другой день, тут же заставил Кайсарова написать таковой же приказ по армии, и не растерялся так, как его противник, гениальный Наполеон, который ни на что не решался. А граф Толстой, рисуя князя Кутузова под Бородином, говорит о нем тоже самое, что сказал о князе Багратионе под Шенграбеном: „он не делал никаких распоряжений, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему“» [2, с.47-48].

Повторив, что 33, 34 и 35 главы романа Толстого представляют в общем верную картину Бородинского сражения, Норов ставит ему в вину то, что «это картина бездействующих лиц (ибо, конечно, гг. Безухов и Болконский не суть таковыя); у него все делается невидимою силою, силою случая; что едва ли согласно с тем высоким назначением, которое дано Богом человеку в здешнем мире. Если нет деятелей, то нет и истории: все доблести тонут в пучине забвения, и всякое одушевление подражать этим доблестям исчезает» [2, с.46].

Описав сам глазами очевидца и активного участника Бородинского сражения события того времени, А.С. Норов советует читателям свериться с сочинениями о войне 1812 года, чтобы получить о ней объективное впечатление и возможность гордиться своими героическими предками.

Представляется возможным предположить, что полемика А.С. Норова с точкой зрения Л.Н. Толстого на движущие силы в войне 1812 года не была бы столь острой, если бы ее возможно было рассматривать в категориях литературоведения, а именно, как полемику произведения с художественным вымыслом (роман Л.Н. Толстого) и произведения документального, где вымысел исключается (произведения А.С. Норова).

Литература

1. *Белокурова С.П.* Словарь литературоведческих терминов. М., 2005.
2. *Норов А.С.* «Война и мир» (1805-1812) с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника: По поводу сочинения графа Л.Н.Толстого «Война и мир». СПб., 1868.
3. *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений в 8 томах. Т.3, 4. М., 1996.

Дергачева И.В., Дергачева В.В.

О критерии адекватности художественного вымысла в изображении Отечественной войны 1812 г. (к вопросу о полемике А.С. Норова с Л.Н. Толстым)

Язык и текст langpsy.ru

2017. Том 4. № 2. С. 32–39.

doi: 10.17759/langt.2017040204

Dergacheva I.V., Dergachev V.V.

On the criterion of the adequacy of artistic fiction in depicting the Patriotic War of 1812 (to the question of the controversy of AS Norov with Leo Tolstoy)

Language and Text langpsy.ru

2017, vol. 4, no 2, pp. 32–39.

doi: 10.17759/langt.2017040204

On the criterion of the adequacy of artistic fiction in the image of the Patriotic War of 1812 (to the question of the controversy of A.S. Norov and Leo Tolstoy)

Dergacheva I.V.,

Full PhD of philology, professor in Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, DergachevaIV@mgppu.ru

Dergachev V.V.,

Deputy Editor of the politics and society department at the RBC Media holding, Moscow, Russia, vdergachoff@gmail.com

---

The article deals with the polemical discourse of A.S. Norov, who was the hero of the war 1812, which he leads with Leo Tolstoy from the point of view of the direct participant in the battles with Napoleon. Analyzing then description of the events of the Patriotic War of 1812 in the novel of Leo Tolstoy "War and Peace", A.S. Norov opposes them to a description which was made by the hero Yermolov of the war of 1812. The authors speculate that the polemics of A.S. Norov with the Leo Tolstoy's point of view to the driving forces in the war of 1812 would not be so acute if it is considered in the categories of literary criticism, as a polemical discourse of the work with artistic fiction (the novel by Leo Tolstoy) with a work of documentary where fiction is excluded (works by A.S. Norov).

Keywords: The Patriotic War of 1812, A.S. Norov, L.N. Tolstoy, artistic fiction, polemics, the philosophy of history, military battles.

References

1. *Belokurova S.P.* Slovar' literaturovedcheskih terminov. M., 2005.
2. *Norov A.S.* «Vojna i mir» (1805-1812) s istoricheskoy tochki zreniya i po vospominaniyam sovremennika: Po povodu sochineniya grafa L.N.Tolstogo «Vojna i mir». SPb., 1868.
3. *Tolstoj L.N.* Sobranie sochinenij v 8 tomah. T.3, 4. M., 1996.